

Міністерство освіти і науки України
Сумський державний університет
Шосткинський інститут Сумського державного університету
Фармацевтична компанія «Фармак»
Управління освіти Шосткинської міської ради
Виконавчий комітет Шосткинської міської ради

ОСВІТА, НАУКА ТА ВИРОБНИЦТВО: РОЗВИТОК І ПЕРСПЕКТИВИ

МАТЕРІАЛИ

II Всеукраїнської науково-методичної конференції,

(Шостка, 20 квітня 2017 року)

Суми
Сумський державний університет
2017

УДК 821.111

**АРХЕТИП РЕБЕНКА В РОМАНЕ К. ВОННЕГУТА
«БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ, ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ»****Н.Ю. Бондарь**

Шосткинский институт Сумского государственного университета

ул. Институтская, 1, г. Шостка, 41100

nis@ishostka.sumdu.edu.ua

Тема поруганного детства приобретает в зарубежной литературе XX века особую значимость после Второй мировой войны. Послевоенный мир представляется писателям, в духе экзистенциалистской философии абсурдным и бесперспективным, в котором человек, по словам Л. Цехановской, – «существо, безнадежно травмированное самой своей участью» [2, с.126]. Война как абсолютное зло противостоит ребенку, в архетипической сущности которого заложен концепт жизни (добра, блага). Надо отметить, что тема детства (ребенка) в послевоенной американской литературе развивается довольно активно (Дж. Сэлинджер, «Над пропастью во ржи», К. Воннегут, «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», Л. Луис, «Сосчитай звезды», Т. Капоте, «Голоса травы», и др.). Так, у Курта Воннегута (роман «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей») описывается участие юношей, почти детей, во Второй мировой войне. В основном исследователи этого романа обращались к различным поэтологическим аспектам (О. Алякринский, А. Аствацатуров, С. Белов, Т.Н. Денисова, А.М. Зверев, А.Д. Михелев, О.В. Полухин), в то время как архетип ребенка все еще не стал предметом отдельного изучения.

Цель статьи – рассмотреть своеобразие архетипа ребенка в романе К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» с учетом постмодернистского восприятия мира и попытаться, таким образом, несколько восполнить этот пробел в изучении его творчества.

В начале романа мы знакомимся с повествователем, который мечтает написать книгу о бомбардировке Дрездена (1944 г.). Роман написан без соблюдения хронологического порядка, что дает возможность взглянуть на события с разных позиций. Одна из основных тем – это инфантильность молодых людей, участвующих в войне. Мир и война у Воннегута идут рука об руку, как добро и зло, день и ночь, черное и белое. Человеческая культура и здесь основана на принципах не только власти, но и тоталитарного насилия.

В «Крестовом походе детей» в войну вовлечены дети, которые становятся игрушками в руках воюющих сторон: рассказчик саркастически замечает, что они были «на войне девами неразумными, едва расставшимися с детством» [1, с.16]. Мэри О'Хэйр, жена его однополчанина, говорит со злостью, что войну в кино показывают красиво, не так, как было это на самом деле. Она обеспокоена тем, что фильмы подстрекают вести войны: «и драться будут дети, вон как те наши дети наверху» [1, с.16]. Мэри не желает, чтобы убивали ее или чьих-либо детей. Война и насилие противоречат разуму, но то, что они неизбежны, утверждается устами тральфаматорцев, которые похитили Билли Пилигрима.

Рассказчику, Йону Йонсену и Бернаруду В. О'Хэйру захотелось подробнее узнать о настоящем крестовом походе детей. Поэтому Бернард достал книгу Чарльза Макэя, изучавшего историю таких походов и выразившего свое мнение по их поводу. Крестовый поход начался в 1213 году по волеизъявлению двух монахов. Макэй предполагает, что это дети «беспризорные или порочные», иначе невозможно объяснить, почему они сами поехали в рабство. Часть погибла в кораблекрушении, часть попала к рабовладельцам, а часть приютили в Генуе. Все это объясняется невинностью детей, их беспомощностью и неразумностью. Таким образом, появляется разночтение: с одной стороны, это «порочные дети», с другой – «невинные». И это

оказывается весьма удобным, ибо детей можно легко во всем обвинить, можно опорочить их, так сказать, задним числом, списать на счет их неопытности коварство взрослых интриганов, цинично втягивающих детей в орбиту своих планов.

Билли Пилигрим – это герой с «детским сознанием» [1, с.52]. Безусловно, неслучайно автор использует уменьшительное имя Билли, что подчеркивает «детскость» главного героя. Он беспомощен, как ребенок. У него нет своей позиции, он инфантилен, как многие представители американской нации, о чем впоследствии напишет и В. Набоков. «Детскость» как чистота не имеет ничего общего с инфантилизмом как неразвитостью социального сознания. Именно инфантилизм объединяет образы представителей, условно говоря, американского лагеря (Билли Пилигрим, Роланда Вири) и немецких солдат, мобилизованных мальчишек [1, с.43].

Роланду Вири было восемнадцать лет, у него было несчастливое детство. Его никто не любил за его подлость и глупость. Вири всегда поступал гнусно, но это и неудивительно, если его отец подарил своей жене тиски для пальцев и «железную леди» из Нюрнберга. У Вири была патологическая любовь к орудиям пыток. Несмотря на свою жестокость Вири сочиняет героический рассказ о себе и двух разведчиков, называя «тремя мушкетерами». Фантазируя, он даже не замечает, что происходит вокруг, не слышит лай собак, не видит, окружающих их немцев. Но, когда он понимает, что его план провалился, Вири с яростью бросается на Билли с целью убить его, считая его виновником в этой ситуации. Но немцы препятствуют его действиям. Среди немцев тоже были дети: «двое немцев были совсем мальчишками» [1, с.43]. Вот как глазами Билли видится встреча с одним из немецких солдат: «Это было лицо белокурого ангела, пятнадцатилетнего мальчугана. Мальчик был прекрасен, как праматерь Ева. Прелестный мальчик, ангел небесный, поднял Билли на ноги» [1, с.43]. Война вовлекла мальчика с ангельской внешностью в это страшное преступление, и в этом – абсурдность военной реальности. Юноша с такой внешностью должен служить добрым делам, но жизнь распорядилась иначе.

В плену Билли знакомится с Дарби, Бешеным Бобом, который потерял свой полк, большинство которого составляли дети: «многие из них были совсем детьми» [1, с.53]. Дарби говорит, что, взглянув на свежесбранные лица новобранцев, он вдруг понимает, что войну ведут младенцы. Выражение «крестовый поход детей» – рефрен романа, подчеркивающий социальный и нравственный инфантилизм американской и немецкой сторон. В рассказах героев реализуется прием «отстранения»: чем больше сцен, демонстрирующих «детскость» американских и немецких «солдат-младенцев», тем большим обвинением они становятся и «взрослому миру», и самим участникам военных действий. Так, не вызывает абсолютного сочувствия рассказ Билли о молодом немецком солдате Вернере Глюке (ирония заключается уже в прозрачном значении фамилии – Glück означает «счастье»), который никогда не участвовал в боях, и по своим физическим данным он был похож на младшего брата рассказчика. Вернер Глюк вел Билли и Дарби на немецкую кухню, но так как сам плохо ориентировался на местности, он завел их в душевую, где мылись девочки-школьницы: «Вернер Глюк никогда раньше не видел голых женщин и сразу закрыл двери. Билли тоже их никогда не видел» [1, с.118]. Каждая подобная детская промашка становится доказательством абсурдности «взрослого мира». Инфантилизм, таким образом, не отменяет ответственности за содеянное. В художественном мире романа Воннегута инфантилизм приобретает не оправдательные, но, напротив, обвинительные коннотации. Бездумное подчинение чужой воле чрезвычайно удобно порой для целых народов, которые самоустраиваются от самостоятельного решения этических задач. Известно, как в послевоенной западной Германии реваншистской литературой и критикой обелялся образ фашистского солдата: из него делали некую «жертву приказа». Сама идея «фюрерства», «вождизма» при всех тоталитарных режимах включает социально-

политически деформированный архетипический мотив «мудрого отцовства»: вождь («отец нации», «отец народов») знает, что делает, и требует слепого повиновения от своих подданных («детей»).

«Ревут быки. Теленок мычит. Разбудили Христа-младенца, но Он молчит» [1, с.6] – это слова из эпитафии к роману К. Воннегута. Животные обычно чувствуют приближение опасности. Всем известно, что они становятся тревожными перед стихийными бедами: извержением вулканов, землетрясением, грозой. Бык (телец) в контексте эпитафии – заместительные жертвы, животные для заклания. Они предчувствуют беду, поэтому и разбудили Христа – узнать, что их ждет впереди, – но он, младенец и будущая искупительная жертва, еще не знает о своем назначении, он не знает пока, что сказать миру. Адаму и Еве было обещано, что однажды родится на земле Младенец, который спасет людей от ада. И он пришел в мир в образе Иисуса Христа и умер на кресте. С другой стороны, молчание младенца Иисуса многозначительно: ему наперед известно, что нет спасения этому жестокому миру.

Таким образом, в произведении американского писателя послевоенной эпохи К. Воннегута, мир представляется жестоким и безжалостным по отношению к ребенку. В отличие от произведений, разрабатывающих образ ребенка с опорой на жизнеутверждающие архетипические начала (Марк Твен, Ф. Бернет, Т. Капотэ, Р. Бредбери), роман «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» не содержит биографического времени, в нем нет этапного приобретения положительного жизненного и нравственного опыта. Художественная трансформация архетипа ребенка в данном случае подается в связи с историческими событиями, которые накладывают на него свой отпечаток. «Дети» наравне с «взрослыми» втянуты в преступную войну то, как жертвы, то, как пособники, слепые орудия политиканов. Мир детства может получать и своего рода «прививки жестокости».

Из архетипического гнезда изымаются основные продуктивные составляющие – невинность и сакральность дитяти. Зато в архетипических мотивах литературы XX века с поправкой на мировые исторические события актуализируются новые оттенки образа ребенка: дитя – жертва (Хрюша в романе У. Голдинга «Повелитель мух»; Ева, Ян, Кристина в «Выборе Софи» Стайрона и др.), дитя – левиафан (Эмма), дитя как метафора жестокого инфантилизма, граничащего с равнодушием, социальной незрелостью, нравственной аморфностью (Билли Пилигрим, Роланд Вири, Вернер Глюк).

Список литературных источников:

1. Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей: [роман] / Курт Воннегут; [пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой]. – СПб: Кристалл, 2001. – 160, [1] с.
2. Цехановская Л. Экзистенциалистский аспект творчества Уильяма Стайрона/ Л. Цехановская // Язык и стиль. – Волгоград: Волгоградский пед.институт им. А.С. Серафимовича, 1977. – С. 126–133.